

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

The poster features a man in a black t-shirt holding a handgun, looking off to the side. Behind him is a large, stylized red and black graphic of a woman's face. The background is black with white lightning bolt patterns.

ОБОЙМА С ИКРОЙ

Кирилл Казанцев

Обойма с икрой

Серия «Оборотни в законе»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648970
Кирилл Казанцев. Обойма с икрой: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-68877-7

Аннотация

Волжские браконьеры совсем страх и совесть потеряли: вылавливают осетровых тоннами, и никакой управы на них нет. Местные жители с преступниками не связываются – боязно, и только сельчанин дед Харитон открыто высказывает бандитам все, что о них думает. Во время очередной перепалки дед пригрозил браконьерам, что на днях к нему приедет внук – капитан полиции. Он-то наведет здесь порядок. И кто тянул старика за язык? Помалкивал бы, тогда, возможно, и остался бы внук в живых. Да только слово не воробей. Не доехал капитан до села – убили по дороге... Расследование преступления поручают майору Виталию Дарницкому, и он срочно вылетает из Москвы на Волгу...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	38
Глава третья	67
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кирилл Казанцев

Обойма с икрой

Глава первая

Игорь Голубев щелкнул пультом сигнализации, открывая дверь своего «Фольксвагена», и сел на водительское сиденье. Виталий Дарницкий устроился рядом.

– Ремень накинь от греха подальше, – машинально бросил Игорь, трогаясь с места.

Виталий молча пристегнулся ремнем безопасности. Вскоре они выехали на Ленинградский проспект. Голубев следил за дорогой. Он был опытным водителем, однако никогда не позволял себе расслабляться за рулем. Виталий знал об этом и старался не отвлекать приятеля разговорами. Но Игорь сам начал беседу. Не отрывая взгляда от дороги, сказал:

– Значит, я позвоню где-то через недельку, распишу, что и как.

– Угу, – кивнул Дарницкий. – Ты сам-то уверен?

Голубев помолчал, потом неопределенно повел плечами.

– Не люблю заранее делать выводы, не разобравшись с ситуацией изнутри, – нехотя ответил он. – Но думаю, что ошибки нет. Мне еще год назад дед в письме упоминал об этом. – Игорь улыбнулся и, поймав непонимающий взгляд

Виталия, пояснил: – Дед у меня – раритетный малый. Никакими современными достижениями технического прогресса не пользуется, пишет письма по старинке, почтой отправляет. Хотя я ему и телефон сотовый подарил, и даже компьютер хотел организовать. Он мужик сообразительный, хоть ему и под восемьдесят, быстро бы разобрался, что к чему. Не хочет ни в какую! И по сотовому не позвонил ни разу: периодически на почту шкандыбает и там междугородный разговор заказывает. Я ему говорю: «Дед, те деньги, что ты на эти разговоры тратишь, ты бы на мобиле сэкономил! А еще проще эсэмэску послал!» Но он и слушать не хочет!

Игорь засмеялся и придержал руль. «Фольксваген» постоял на светофоре, дождался зеленого света и поехал дальше. Виталий заинтересованно слушал Голубева.

– Так вот, – продолжал тот. – Дед у меня парень ушлый, зря болтать не станет. Да я же сам в этих местах родился, рыбы у нас там всегда прорва была. Даже общая загрязненность экологии и химпредприятия не смогли ее уничтожить. Ну, и раньше, конечно, браконьерством промышляли, что греха таить. И сейчас наверняка. И завод этот, недавно выстроенный, меня смущает, и ребята, которые на директора работают. Я по весне пару человечков туда послал – так, неофициально. Так вот, по их словам, ребята мутные. Заправляет ими некий Ашот. Никого с таким именем у нас в поселке никогда не было.

– Приезжий, – предположил Виталий.

– Ясное дело, приезжий, – согласился Игорь. – Но это и наводит на размышления. Понятно, что он не просто так приехал, а со своим интересом. Кто просто так в наше захолустье поедет?

– Мало ли кто. Ты же едешь, – усмехнулся Дарницкий.

– Так у меня тоже свой интерес имеется! – засмеялся Игорь. – Я, брат, сильно не люблю, когда кто-то пытается взять то, что ему не принадлежит. А за Бережное особенно душа болит, потому что места родные. И рыбу жалко, и икру... Ведь это наше, национальное достояние, а оно все в частных карманах оседает!

– Золотой ты человек! – притворно вздохнул Виталий. – Все о России, о России...

– В глаз хочешь? – усмехнулся Игорь беззлобно. – Можешь ржать сколько угодно, но мне обидно, когда народное добро налево уходит. Да, мне обидно за Россию. А у нас в стране почему-то все повернулось с ног на голову. Когда ты говоришь, что радеешь о своей Родине, людей душит истерический смех. И только публичная обстановка и вынужденная необходимость соблюдать приличия останавливают их от того, чтобы расхохотаться тебе в лицо. Быть патриотом – немодно и даже постыдно. Черт знает что! Вот быть вором – не стыдно. А патриотом – стыдно. Ты как на это смотришь?

Виталий осторожно пожал плечами и ничего не ответил. Он сейчас думал о другом, о практической стороне вопроса. Дарницкий – человек действия. И больше всего его инте-

ресовал результат. На получение результата и были направлены его помыслы. И сейчас он думал, правильно ли поступает, доверяя Голубеву разбираться с делом государственного масштаба. Сам Дарницкий не любил высоких слов, он вообще был довольно молчаливым и закрытым человеком. Но когда доходило до дела, на него смело можно было положиться. Все в отделе знали: Виталий, не тратя слов, все сделает так, как надо, не подведет и не смалодушничает. В душе будучи согласным с Голубевым, Дарницкий размышлял над тем, правильную ли тактику они выработали. Собственно, выработал Голубев – сам, один, – и даже не то чтобы выработал, просто наметил план действий. План был предельно прост: наведаться в родные края под названием село Бережное и попытаться разобраться на месте, как обстоит дело с нелегальной добычей и продажей черной икры, коей были богаты эти прикаспийские места.

Голубев пошел на это по собственной инициативе, это не входило в его служебные обязанности. И все-таки Виталию, под руководством которого Игорь работал, было беспокойно. Почему-то он интуитивно чувствовал опасность в начинании Игоря. Виталий успокаивал себя тем, что он просто устал за последнее время, давно не был в отпуске и напряженные нервы дают о себе знать. Пойти же сейчас в отпуск он не мог, в него отправлялся Голубев, а оставить отдел без двух ведущих сотрудников было неразумно. Поэтому они договорились, что первым отгуляет свой законный месяц Игорь, а

уже потом отдыхать с чистой совестью отправится Виталий. И то если по делам в Бережном все окажется чисто. В противном случае намечалась серьезная и длительная работа, и отпуск Дарницкого снова откладывался на неопределенный срок. С одной стороны, он к этому привык. С другой – порой невероятно хотелось отбросить все мысли о работе, забыть напрочь о всех нарушениях закона, взятках, липовых документах и с головой погрузиться в обычные, повседневные земные радости. Но пока он не мог себе этого позволить. Поэтому, подавив неуместные мысли и желания, Дарницкий спросил:

– А по заводу что?

– А по заводу все чисто, – тут же ответил Голубев. – По крайней мере, с документами полный порядок. Руководит им некий Юрий Константинович Кравченко, добропорядочный гражданин.

Дарницкий с задумчивым видом побарабанил пальцами по черной папке, которую держал на коленях.

– Ну, наивно было бы предполагать, что у него в документации будет явная лажа, – выдал он наконец свое резюме.

– Более чем, – кивнул Голубев. – Я и не предполагал ничего подобного. И вообще, глупо надеяться, что в таком деле будет легко ухватить их всех за хвост.

– Но, Игорь, это означает, что за ними наверняка стоит кто-то весьма влиятельный, – склонил голову набок Дарницкий.

– Естественно. А разве бывало по-другому в нашем деле? С пустяковым прикрытием работает только всякая шелупонь. А тут мы имеем дело с людьми серьезными.

– Вот поэтому мне все это и не нравится! – признался Дарницкий, покачав головой. – Может быть, с тобой еще кого-то послать? Люди есть, выделим...

– Не нужно! – махнув рукой, отказался Голубев.

– Ты не хуже меня знаешь, что в таком деле бравада ни к чему!

– А я и далек от таких глупых мыслей! Дело не в бравате и моих амбициях. Я там человек как бы свой, понимаешь? Приехал в отпуск к деду, отдохнуть... Я же не собираюсь на каждом углу кричать, что намерен разбираться с икорной мафией! Так что мне одному будет намного проще. Многие местные по простоте душевной охотно мне выложат такие сведения, которые никогда не скажут постороннему. А если я явлюсь туда как лицо официальное, это уже совсем другой расклад. Все, даже кто никакого отношения не имеет к браконьерству, воды в рот наберут и будут помалкивать. По принципу «моя хата с краю».

– Вот ведь народ! – подивился Дарницкий. – Сами страдают от беспредела – и не хотят порядок навести!

– Хотят, – возразил Голубев. – Но только без их участия. Пусть, мол, разбираются те, кому положено. А мы маленькие, какой с нас спрос!

– Ох, косный народ! – снова покачал головой Дарницкий.

– Менталитет такой. Он веками складывался, так что в два счета не переменится. И даже в три...

Дарницкий не ответил – задумался о своем. Потом, словно вспомнив о чем-то, сказал:

– Слушай, давно спросить хотел. Как там девчонка та после автокатастрофы? Люся, по-моему. Ты тогда еще этим делом интересовался.

– А-а-а. Да ты знаешь, она пропала куда-то.

– Ну, родственники, наверное, забрали.

– Да нет у нее родственников. Кроме этого козла, который сразу сбежал.

– Ну, может, одумался? Совесть заела – вернулся?

– Не знаю, – буркнул Игорь. – Ладно, выясню!

Они повернули на ТТК, доехали до пересечения с Хорошевским шоссе, и Дарницкий, выглянув в окно, сказал:

– Вон там останови!

Голубев довел машину до угла и притормозил в указанном месте. Дарницкий протянул руку для прощания и, взглянув в глаза своему приятелю, сказал:

– Если что – сообщай сразу. Я в тот же миг туда людей направлю. Надо будет – сам приеду. И ухо остро держи!

– Не переживай, не первый год замужем! – подмигнул Игорь.

Дарницкий хотел добавить что-то еще, но сдержался и выбрался из машины. Когда Голубев стартовал с места, Виталий проводил машину задумчивым взглядом...

Дома Голубев достал большую спортивную сумку, открыл шкаф и, в задумчивости посмотрев на полки, принялся не спеша складывать в сумку вещи, необходимые в дороге. Да и не только в дороге: в селе Бережном он планировал пробыть не меньше трех недель, следовательно, нужно было запастись всем, что может пригодиться, потому что с магазинами в Бережном было плоховато, а с ассортиментом товаров еще хуже.

Чтобы не так скучно было заниматься довольно нудным делом, Игорь включил телевизор, нашел канал новостей и продолжил свое занятие, вполуха слушая то, о чем вещали дикторы. Однако спустя минут пять он сделал звук в телевизоре громче: очередной сюжет привлек его внимание.

– ...Разоблачены преступники, реализовавшие через крупные магазины в Москве черную икру на сумму около ста миллионов рублей. Вся икра добыта нелегальным способом, – сообщал с телеэкрана молодой корреспондент. – Супермаркеты «Океан», «Уголок», «Штерн» и целый ряд других сетевых супермаркетов столицы торговали черной икрой, добытой браконьерским путем через недобросовестных партнеров, поставлявших свой товар в крупные магазины. Следственный комитет установил, что всего было реализовано больше пяти тонн браконьерской икры. Преступникам предъявлено обвинение по части 3 статьи 175 Уголовного кодекса. Еще пять членов группы находятся в федеральном розыске...

Игорь заинтересованно посмотрел на экран. Тема была ему очень близка, он хорошо в ней разбирался. Упомянутая статья означала «заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем». Что ж, все верно. Тема незаконной добычи черной икры в последнее время встала очень остро. Что там греха таить – это один из самых дорогих товаров на мировом рынке, поэтому черную икру добывали и будут добывать. Но самое обидное, что незаконным путем.

Игорь, оставив свои сборы, шагнул к компьютеру и быстро набрал в поисковике «новости нелегальная черная икра». Сразу же высыпался целый ворох сайтов. Перелистывая страницы, Голубев все больше убеждался в том, что и так знал слишком хорошо: преступников, незаконно добывающих черную икру, очень много. Об этом наглядно свидетельствовали увиденные им сообщения:

«...Около тонны нелегальной рыбопродукции изъято у предполагаемых браконьеров на Дорогомиловском рынке в Москве. Во время рейда на рынке из продажи изъято около тонны осетровых рыб со следами незаконного лова, а также сомнительного качества икра и мясо камчатского краба. Этот товар изъят из продажи, часть его направлена на экспертизу. На территории рынка проведены обыски. В рыбных торговых павильонах, складских помещениях и морозильных камерах обнаружена продукция особо ценных видов морепродуктов – таких как черная и красная икра, осет-

ровые породы, камчатский краб. Особенно стоит отметить, что продавалась она открыто, без каких-либо документов, подтверждающих легальность добычи и безопасность для здоровья потребителя. Такое поведение говорит о том, насколько реализаторы контрафактной продукции уверены в своей безнаказанности...»

Игорь помнил этот эпизод: тогда на Дорогомиловский рынок были отправлены сотрудники из его отдела, у которых он и поинтересовался результатом рейда. Да, именно так: уверены в своей безнаказанности, потому и борзеют.

Голубев вздохнул и стал читать дальше:

– «Нелегальные морепродукты были найдены в ходе расследования дела, ранее возбужденного в отношении участников межрегиональной организованной группы, подозреваемых в реализации рыбы осетровых видов, а также черной и красной икры. Сотрудники полиции заметили на осетрине продольные разрезы и повреждения от крючковых снастей, характерные для браконьерского лова. Кроме того, на прилавках Дорогомиловского рынка была найдена партия белуги, занесенной как в российскую, так и в международную Красные книги. В общей сложности в ходе рейда полицейские изъяли из продажи около тонны нелегальной рыбопродукции, часть которой направлена на экспертизу. В настоящее время продолжается проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению других участников группы и дополнительных эпизодов их противоправной деятель-

ности».

«В октябре этого года сотрудники УБЭП обнаружили на юго-востоке столицы шесть морских контейнеров с 4,5 т красной икры, а также партию рыбы лососевых пород и мяса краба, на которые у владельцев не было никаких документов. Это крупнейшая партия контрафактных морепродуктов, изъятая в Москве с начала года».

Это уже про красную икру, которая Голубева интересовала в меньшей степени.

Еще один эпизод всплыл в памяти, уже без помощи Интернета: не так давно во времена работы рынка в Лужниках сотрудниками УБЭП была обнаружена партия контрафактной икры. В ходе контрольной закупки сотрудники правоохранительных органов приобрели несколько килограммов красной и черной икры, в которой впоследствии эксперты нашли кишечную палочку. Тогда же задержали некую жительницу Астрахани, которой инкриминировалась организация поставок красной и черной икры на рынки столицы. Игорь знал, что ее осудили, прихватили даже кое-кого из подельников, все получили сроки. И таких случаев Игорь знал немало. Но все это капля в море. Все эти задержания барыг и мелких торговцев ни к чему не вели. Как добывали икру незаконно, так и продолжают добывать. И работает тут целая сеть, во главе которой стоят не такие вот мелкие сошки. Они просто винтики в крупнейшей, отлично отлаженной системе.

Ни для кого не секрет, что черная икра стоит очень до-

рого. И не потому, что она настолько полезна или вкусна, все гораздо проще: работает закон спроса и предложения. Как ни печально, но количество осетров с каждым годом неуклонно уменьшается. Эти рыбы, выдержавшие очень долгую историю своего существования, насчитывающую тысячи лет, не могут приспособиться к нынешним условиям, которые для них просто губительны. Строительство плотин на реках, загрязнение окружающей среды и, что особенно опасно, размах браконьерства привели к тому, что рыбы семейства осетровых отнесены к категории исчезающих, а следовательно, числятся в Красной книге и за их отловом призваны тщательно следить соответствующие органы. Но это теория.

А на практике все выглядит, мягко говоря, не так. Икру, как и нефть, иногда называют черным золотом и считают одним из главных российских богатств и брендов. Охотников до черной икры масса, желающих скупить ее находится очень много. Одни только мировые авиакомпании, являющиеся крупнейшими заказчиками, обожают угощать икоркой пассажиров класса люкс. А на спрос, разумеется, найдется и предложение. Конечно, авиакомпаниям выгоднее скупать икру у поставщиков, что продают ее подешевле. А дешевле отдают те, кто добывает ее незаконно. И огромные деньги уплывают из бюджета государства в частные карманы.

В России на икру существует государственная монополия.

Но закон этот нарушается повсеместно. Преступные группировки, организующие незаконный рыбный промысел, вырастают как грибы из-под земли после теплого осеннего дождя. Игорь сам знал очень много подобных случаев. Практически каждый год разоблачались преступные группы, осуществляющие незаконный оборот икры рыб осетровых видов – то есть этой самой черной икры. Покупают у браконьеров, которые, в свою очередь, шерстят на лодках рыбные места.

Российские власти, конечно, пытаются бороться с браконьерством и подпольным производством икры. Ведь они в первую очередь страдают от нелегального бизнеса, являясь главными экспортерами. Властям эти нелегалы как кость поперек горла: из-за них теряется громадная часть прибыли. Но, как уже говорилось, икорная мафия работает четко и стоят за ней очень большие люди. Во главе рыбного хозяйства ставили даже бывшего генерала КГБ.

Так почему же российские власти закрывают глаза на бесчинства браконьеров? Да не закрывают, просто знают, насколько тяжкое это дело. Это не просто переловить пару-тройку десятков или даже сотен браконьеров – это ничего не решит. Но власть не сидит сложа руки, изыскивает методы борьбы.

Увы, серьезных успехов добиться так и не удалось, браконьеры на сегодняшний день обладают огромным потенциалом. Это и поддержка крупных чиновников, держащихся в тени, и великолепное оснащение: практически все они

имеют современные быстроходные суда, хорошо вооружены. Легко предположить, что и органы, призванные бороться с преступниками, не избежали коррупции. Так ведь всегда случается, когда в деле завязаны большие деньги. А икорный бизнес по доходности превышает наркотический. Игорь Голубев отлично понимал, что им, рядовым ментам, даже и не снились такие суммы. Миллионы, миллиарды долларов! И, конечно, чтобы заниматься этим бизнесом безбоязненно, необходимо прикрытие в виде широкой спины. А за продавцами черной икры спины стояли широченные – чины не ниже генеральских. Вот и получалось, что низы – такие, как Игорь и его коллеги, – занимались бессмысленным делом. Их, низы, посылали бороться с браконьерством верхи, которые сами были завязаны в этом деле по уши. Рыба, как известно, гниет с головы – такой вот невеселый каламбур о рыбе...

Голубев закрыл браузер и отошел от компьютера. Пройдя на кухню, включил электрочайник и, дождавшись, когда тот закипит, приготовил себе крепкий кофе. Что толку читать о том, что ему, сотруднику правоохранительных органов, и так хорошо известно. Только расстраиваться лишний раз. Но вот делать все равно что-то нужно. Обязательно. Потому что если сидеть сиднем и считать, что тебя лично это не касается и пусть этим занимаются другие, то в итоге результат будет малоэффективным.

Игорь не мог оставаться в стороне, когда речь шла о раз-

облачении браконьеров, хотя напрямую данные преступления его и не касались. Тут играло роль другое: Голубев сам был родом из прикаспийских мест. Точнее, родился он в подмосковном городе Балашиха, в семье военного. Родители часто кочевали с места на место, пока наконец прочно не осели в Москве, после того как отец получил должность в столичном МВД. С самого раннего возраста – да практически сколько себя помнил – Игорь проводил летние каникулы в селе Бережном, у деда Харитона. Да и не только каникулы. Иногда, чтобы не таскать ребенка за собой по особо глухим местам, его оставляли в Бережном на целый год, чему несказанно были рады как дед, так и маленький Игорь.

Эта привязанность сохранилась между ними и спустя многие годы, когда Игорь стал уже совсем взрослым, а дед старым и слабым. Иногда Игорь даже с удивлением ловил себя на мысли, что, пожалуй, ни к кому на свете так не привязан, как к деду Харитону, по сути, воспитавшему его. С родителями, которых Игорь, несомненно, любил, такой глубокой психологической связи не было – возможно, она оборвалась еще в детстве, когда те вынуждены были лишать себя общества сына. Собственной семьей Игорь так и не обзавелся. И даже постоянной женщины у него не было: как-то так получилось, что не встретил он пока той, с кем хотел бы прожить всю оставшуюся жизнь бок о бок. Во многом тому виной была его служба, которой он отдавал практически все свое время. Голубев любил свою работу, что не так часто,

как хотелось бы, встречалось среди представителей его профессии. Очень много было в ней людей случайных. Игорь же пришел работать в полицию по призванию, работой своей гордился и старался делать хорошо, посему все новости о браконьерстве и прочих преступлениях на его родине воспринимались им остро. Игорь искренне желал процветания как селу Бережному, так и России в целом. Увы, действительность была таковой, что навести порядок везде и во всем не представлялось возможным.

Сам Голубев первопричиной этому считал коррупцию, проникшую даже туда, куда по определению не должна была бы проникнуть, например в прокуратуру. Игорь, по долгу службы сталкивающийся с этой организацией, отлично знал, что даже там не обходится без взяточничества и подтасовок. Разумеется, он был не настолько наивен и мечтателен, чтобы всерьез рассчитывать истребить всю коррупцию в целом и пересажать абсолютно всех преступников в стране. Но хотя бы отдельные случаи, касающиеся, к примеру, села Бережного, он считал возможным исправить.

В Бережном, естественно, на первом месте всегда стоял лов рыбы. Игорь прекрасно помнил, как в детстве его совсем еще маленького дед брал с собой на рыбалку. Будил рано, часа в четыре утра. И как он тер кулачками сонные глаза и, спотыкаясь, на ощупь находил свою одежду, резиновые сапоги и напяливал все это облачение с полужакрытыми со сна глазами.

Уже тогда Игорь слышал разговоры о браконьерах, но в силу возраста мало что понимал в них. Он усвоил для себя только то, что есть нехорошие люди, которые ловят очень много рыбы – так много, что ее не достается другим. И вот из-за таких людей на прилавках нет черной икры, а рыбы в реках становится меньше. Значение загадочного слова «браконьер» он не слишком хорошо осознал, но чем-то это слово ему нравилось. В нем Игорю чудилось что-то таинственное, захватывающее, напоминающее приключенческие романы о флибустьерах. Однажды Игорь с детской непосредственностью спросил:

– Дед, а мы тоже браконьеры?

Дед Харитон чуть не выронил половник, которым в тот момент как раз наливал Игорю уху – густую и наваристую.

– Это кто ж тебе такое сказал? – всплеснул он руками.

– Ну как же! Мы же с тобой рыбу ловим? Ловим! Уху из нее варим? Варим!

Дед долго сидел, в задумчивости теребя белую бороду, потом сказал как-то грустно:

– Запомни, внучек. Браконьер – он вор. К тому же жадный вор. Он чужое берет, и много. А мы по чуть-чуть и свое. Рыба – общая. Она всем принадлежит. И каждый может себе выловить. Но если все начнут сетями хапать, то ничего от нее не останется. Поэтому ловить можно, только когда разрешено и понемногу. И это запомни: никогда не бери лишнего. Всегда ровно столько, сколько тебе необходимо.

Игорь тогда так до конца и не уяснил сути разговора, но все-таки кое-что в его голове отложилось. Повзрослев, он, конечно, стал намного больше разбираться в жизни обычных жителей Прикаспийской низменности. Конечно, рыбу там ловили всегда. И будут ловить. Причем все, абсолютно. Но назвать этих людей браконьерами у Игоря язык не поворачивался. Истинные браконьеры были не те, кто отлавливали для своего стола несколько рыбин. Настоящие ловили сетями, тоннами, за ними стояли серьезные организации, а сами они своим оснащением могли дать фору любому рыбнадзору. И бороться с ними было ох как нелегко!

«Нелегко, – повторил Игорь про себя. – Но не невозможно!»

Выключив компьютер, он продолжил сборы. Нужно все закончить, да еще не мешало бы вздремнуть перед дорогой: путь предстоял неблизкий...

* * *

Юрий Константинович Кравченко остановил свой серебристый джип «Тойота» у ворот завода, поставил машину на сигнализацию и прошел на территорию двора. Он всегда оставлял автомобиль за пределами своего предприятия, дабы избавить его от насыщенного рыбного запаха, который буквально бил в ноздри при попадании на заводской двор. Въедливый запах этот, правда, и за его границами разносил-

ся на сотни метров вокруг, но Юрию Константиновичу почему-то казалось, что так он все-таки уберезет свое авто.

Кравченко руководил рыбоперерабатывающим заводом уже три года, но за все это время так и не смог привыкнуть к рыбной вони и, заходя на территорию предприятия, всегда невольно морщил нос и прикрывал его рукой. Терпеть этот запах его заставляли лишь деньги, которые приносил завод. А деньги, как известно, не пахнут.

Юрий Константинович, как всегда, торопливо пересек двор и вошел в здание. Запах здесь был ничуть не менее стойким, и Кравченко поспешил к своему кабинету, рассчитывая поскорее скрыться от удушающей вони за его массивной дверью. Он нарочно заказал себе специализированное оборудование со стенами и дверью, которые не пропускали посторонние запахи и звуки, а также хранил в кабинете специальные мощные поглотители.

Кивнув на ходу секретарше, поднявшейся при его появлении, Юрий Константинович закрыл дверь и, глубоко вдыхая воздух, опустился в кожаное кресло. Слава богу, можно спокойно отдышаться. Однако расслабиться в полной мере ему не довелось: едва он откинулся на спинку кресла, как зазвонил телефон. В другое время он, может быть, и проигнорировал бы звонок, но не сейчас: телефон этот был его личным, не предназначенным для широкого круга знакомых и не соединенным с секретарской. Звонить по нему могло очень ограниченное количество людей, а это означало, что сейчас его

добывается какая-то весьма важная персона. Недовольно поморщившись, хозяин кабинета взял трубку.

– Приветствую, – послышался сухой голос, принадлежавший Дмитрию Васильевичу Богатыреву.

Персона эта была для Юрия Константиновича не просто важной, а особо важной. Это был человек, от которого напрямую зависел как завод Кравченко, так и он сам. Дмитрий Васильевич Богатырев возглавлял департамент городского хозяйства, который обладал полномочиями выдавать разрешения на деятельность различных предприятий. Или не выдавать...

– Добрый день, Дмитрий Васильевич, – отозвался Кравченко, недоумевая, что сподвигло Богатырева позвонить ему сегодня. Ведь буквально на прошлой неделе они виделись и уладили все технические вопросы.

– Рад бы с тобой согласиться, Юрий Константинович, да не могу при всем желании. Назвать этот день добрым у меня язык не поворачивается.

– Что случилось? – внутренне напрягшись, спросил Кравченко.

– Приезжай, и срочно, – приказным тоном сказал Богатырев. – На месте и побеседуем.

– А по телефону нельзя? Хотя бы коротко... А то у меня тут много дел накопилось... – начал было Кравченко, но Богатырев в резкой форме перебил его:

– Ты что, не понимаешь? Раз я звоню и говорю, что дело

срочное, значит, нужно пулей мчаться. И дела свои оставь.

Кравченко умолк на полуслове, немного подумал и уточнил уже другим тоном:

– К вам на службу приезжать?

– Ни в коем случае! Встретимся в «Каспере», в десять часов. Все.

На этом связь оборвалась, и Кравченко еще какое-то время слушал короткие гудки, потом положил трубку на базу. Настроение сразу упало. Он чувствовал, что произошло что-то по-настоящему неладное, раз Богатырев так спешно срывает его с места. Предстояло ехать в Астрахань, да поторапливаться, потому что до назначенной руководителем департамента встречи оставалось меньше часа.

Кравченко поднялся и вышел из кабинета.

– Катя, Сергей на месте? – обратился он к секретарю.

– Еще не подошел, Юрий Константинович, – виноватым голосом ответила девушка. – А что, вы куда-то собрались ехать?

– Да, собрался! – с нажимом ответил директор. – А водителя до сих пор нет!

– Я сейчас позвоню ему! – кивнула Катя.

– Вы должны были сделать это десять минут назад! – схватив со стола девушки электронные часы и сунув их ей чуть ли не под нос, крикнул Кравченко.

– Но вы не предупреждали, что уедете так рано! – оправдываясь, произнесла секретарь, пожимая плечами.

– Какое это имеет значение, я могу уехать в любую минуту! – вскипел директор. – У водителя вообще-то рабочий день начинается в восемь часов, если вы забыли! Совсем распустились! Словно в шарашкиной конторе работаете! Ничего, вот я вернусь – разберусь со всеми!

– Я сейчас, Юрий Константинович, – торопливо проговорила Катя, принимаясь длинными пальцами нажимать кнопки на телефоне.

Она привыкла, что ее начальник с утра находится не в самом лучшем расположении духа, но знала, что причиной тому является запах рыбы, который тот с трудом переносил. Однако в кабинете, где запах отсутствовал, Юрий Константинович обычно успокаивался и вел себя ровно и приветливо. К тому же он практически никуда не отлучался на служебной машине по делам. Обычно он просиживал в кабинете до обеда, а потом отбывал на личном автомобиле, не докладывая своим подчиненным, куда направляется.

Катя тем временем считала в трубке длинные гудки, после чего сказала:

– Он не отвечает, Юрий Константинович. Наверное, уже в пути. Я перезвоню ему через минутку.

– Не надо! – Кравченко резким движением выдернул у девушки трубку и шмякнул ее на рычаг, после чего, круто развернувшись, направился к выходу из приемной.

«Совсем обнаглели! – раздраженно думал он, крупными шагами идя через двор к воротам и, пожалуй, впервые не за-

мечая ненавистного ему запаха. – Всех поувольняю к чертовой матери!»

Он щелкнул пультом, рывком распахнул дверцу машины и включил двигатель. Повернув ключ, вывел машину на дорогу и поехал в сторону трассы, ведущей в город. Юрий Константинович терпеть не мог длительные поездки за рулем и в таких случаях предпочитал пользоваться услугами водителя. Но сейчас ждать, когда этот разгильдяй соизволит явиться на работу, он не мог. И то, что он был вынужден сесть за руль сам, было дополнительным фактором его негативного настроения, испорченного звонком Богатырева.

Он не знал, что Дмитрий Васильевич Богатырев пребывает ничуть не в лучшем расположении духа. Полчаса назад, когда он еще только собирался ехать на службу в департамент, ему позвонил его давний приятель из Москвы. С приятелем этим по фамилии Коновалов они вместе начинали карьеру, а до этого учились в экономическом институте. Потом тому повезло – он перебрался в столицу и устроился в министерство финансов, а Дмитрий Васильевич остался на весьма хлебной должности руководителя департамента городского хозяйства, но всего лишь города Астрахани. При этом они всегда оставались на связи, имели общие взаимовыгодные дела, обменивались информацией, а порой помогали друг другу.

Вот и сейчас Дмитрий Васильевич, не подозревавший ничего экстраординарного, добродушно приветствовал прия-

теля. Однако тот был сух и деловит.

– Дима, мне сейчас рассусоливать некогда, и тебе советую поторопиться.

– Что такое? – моментально принял деловой тон Богатырев.

– Про президентскую программу о спасении рыб осетровых пород слышал? Молодец, не отстаешь от жизни. Значит, программа эта активно внедряется, а попутно, как ты понимаешь, засуетились проверяющие органы. Ищут, чем поживиться. Памятуя о том, где ты живешь, я настоятельно тебя об этом извещаю. Понимаешь, к чему клоню?

– Не совсем, – признался Богатырев.

Он, разумеется, осознавал, что программа так или иначе коснется их области, но пока не очень это связывал лично с собой.

– У тебя там, кажется, заводик икорный шурует? – досадуя на непонятливость приятеля, прямым текстом сказал Коновалов.

– Ну да. Работает.

– Помню-помню... И икорку, которой ты нас потчуеть, очень даже уважаю. Только ты вот что. В связи с тем, что я тебе сказал, заводик пока прикрой. Не государственный он у тебя, заводик-то. Это местные власти ты обходишь, а со столичными такой вариант не прокатит. Мало того что голова твоя начальственная с плеч полетит, так еще многих за собой потянуть можешь. Но и это еще не все, – продолжал

чиновник. – Узнал я еще по неофициальным каналам, что один наш человечек туда в отпуск направляется. Ну, якобы в отпуск...

– А на самом деле? – спросил Дмитрий Васильевич. – Что у него на уме?

– Что у него на уме, я понятия не имею. Но думаю, что ты должен понимать м-м-м... пикантность ситуации.

– Понял, – на сей раз ответил Богатырев. – Спасибо за предупреждение.

– Не за что, – небрежно бросил собеседник. – На всякий случай уточняю: человек этот ваши края хорошо знает. Так что провести его будет сложно.

– Большой человек? – уточнил Богатырев.

– Да не слишком. Зовут Игорь Голубев, капитан полиции. Служит в отделе. По сути, обычный мент. Но неприятности может доставить немаленькие. Особенно если стуканет куда повыше. А он, насколько я узнал про его натуру, стуканет обязательно. Так что ты уж постарайся, чтобы ему придраться было не к чему. Ну, с этим делом ты разберешься, не мне тебя учить. Все, бывай!

– Бывай, – ответил Богатырев безрадостным тоном.

Только этого ему не хватало! Так все хорошо шло, все каналы налажены, все подмазаны, никто ничего не требует. Теперь замучают проверками!

Богатырев с мрачным видом забарабанил пальцами по крышке письменного стола из резного дуба, стоявшего в его

домашнем кабинете. То, что работа завода на время встанет, – не страшно. Страшило его другое. Завод, директором которого был Юрий Константинович Кравченко, работал на территории Астраханской области незаконно. Точнее, работать-то он, может, и имел полное право, так как числился под невинной вывеской «Рыбоперерабатывающий комбинат». Но вот продукция, выпускаемая на нем и именуемая черной икрой, реализовывалась нелегально.

В России на черную икру существует государственная монополия. А это означает, что заниматься производством и продажей черной икры могут только госпредприятия, имеющие специализированную лицензию. Завод Богатырева такой лицензии иметь, естественно, не мог. Однако имел. Имел весь пакет необходимых документов. А подпись под этими документами стояла его, Дмитрия Васильевича Богатырева.

Разумеется, завод организовался не с бухты-барахты и не по воле одного лишь Юрия Константиновича. Сам по себе Кравченко ничего бы добиться не смог, его бы съели мгновенно. В дело были вовлечены многие органы: полиция, рыбнадзор, городские власти... Более того, информация просочилась и дальше, к столичным чиновничьим шишкам, державшим богатые осетрами географические места под особым контролем. Икорный бизнес – один из самых доходных в мире, кому захочется упустить кусок от такого пирога, имея для этого возможность его отхватить?

Посему все были в курсе и никто не возражал против того, чтобы в Астраханской области появился завод по производству черной икры. Разумеется, при условии отчисления дивидендов. И дивиденды эти благополучно расходились по разным инстанциям. Денег в карманах чиновников и других власть имущих оседала прорва. Но даже и при этом хватало всем. Все были довольны – от самого низа, рыбаков-браконьеров, занимавшихся непосредственно отловом рыбы, до самых крупных чинов.

И Дмитрий Васильевич был доволен. Но одна-единственная закавыка не давала ему в полной мере наслаждаться установившимся порядком: пресловутая подпись. Как ни крути, а разрешение выдавал он. Ну, и еще несколько инстанций, но они уже шли за ним: санэпиднадзор, налоговики и прочие. Главным было веское слово Богатырева, материально воплощенное в размашистой подписи на документах.

Разумеется, в курсе дела был и Коновалов, очень любивший черную икру. Продукция с местного завода самого лучшего качества регулярно отсылалась в столицу для него и таких же сытых чинуш, занявших удобное место в верхушке городской власти. Любил Коновалов периодически и сам наведываться в Астраханскую область, порыбачить здесь спокойно на новенькой «Ямахе» и отведать наисвежайших рыбных яств. Богатырев всегда встречал его с распростертыми объятиями, заботясь, чтобы отдых московского гостя был обеспечен по высшему разряду.

Только Коновалову что: он поел-попил, отдохнул и к себе уехал. Формально он ни к икре, ни к заводу не имел ни малейшего отношения. Более того, Богатырев был уверен: коснись дело непосредственно Коновалова, тот с самым серьезным и непререкаемым видом будет разглагольствовать со страниц прессы или с экрана телевизора о том, насколько важна в нынешнее время борьба с коррупцией, прочно пустившей корни в российской действительности. Что борьба эта должна быть суровой и беспощадной и что наказание замазанным во взяточничестве чиновникам и всем остальным звеньям цепочки должно быть самым строгим. При этом он будет хмурить брови и принимать чрезвычайно озабоченный вид. Что ж, по-человечески его можно понять. И если начистоту, то Дмитрий Васильевич и сам в подобной ситуации вел бы себя точно так же. Собственная шкура и место дороже всего. Он, конечно, понимал, что Коновалов не бросит его одного на съедение, поможет чем может. И слава богу, что предупредил. Но в случае если Богатырева решат «уйти», Коновалов моментально отойдет в сторону и сделает вид, что никаких дел с этим человеком не имеет и вообще крайне не одобряет подобное поведение морально разложившихся чиновников. А это означает, что решать назревающие проблемы Дмитрий Васильевич большей частью будет сам...

Смирившись с такой мыслью – на это ушло около трех минут, – Богатырев стал размышлять о том, какие шаги следует предпринять для спасения и себя, и ситуации. Прежде всего,

естественно, успокоиться. Во-вторых, напрячь всех, кто стоит под ним. В конце концов, они в этом деле замазаны куда больше его, они непосредственно воруют икру своими, можно сказать, руками, вот пусть и подсуеются. И начать следует с Кравченко. Припугнуть его хорошенько, встряхнуть. Дать пару дельных советов, чтобы он потом еще и Кравченко спасибо говорил. И звонить ему нужно немедленно.

Богатырев, привыкший решать проблемы по мере их возникновения, тотчас же потянулся к телефонной трубке и назначил Кравченко встречу в ресторане «Каспер». На службу он до обеда решил не ехать. Сначала нужно убедиться, что механизм безопасности запущен. Отказавшись завтракать дома, Богатырев быстро облачился в костюм, надел галстук и спустился из своего коттеджа вниз, к автомобилю. Сев на переднее сиденье, бросил водителю:

– В «Каспер».

...Кравченко прибыл в ресторан в точно назначенное время, хотя ему пришлось поторопиться и даже пару раз нарушить правила: чертовы дороги, которые и в городе-то не слишком хороши, на выезде из Бережного были просто отвратительны. Однако он приложил все усилия, чтобы добраться вовремя: ему и самому не терпелось поскорее утрясти вопрос, и он надеялся, что Богатырев ему в этом все-таки поможет, не зря же он назначил встречу. Если бы сказал все, что хотел, и отдал всю проблему на откуп Кравченко, не стал бы настаивать на личной беседе.

Машина Богатырева – белоснежный «Лексус» – уже стояла у входа в ресторан, однако времени было ровно десять часов. Кравченко вошел внутрь и увидел руководителя департамента сидевшим за столиком у окна и читавшим меню. В ресторане было малоллюдно: место это отличалось очень высокими ценами, которые были не по карману среднестатистическому астраханцу, однако при этом обеспечивало надлежащий уровень обслуживания. Завсегдатаями его были как раз местные чиновники, крупные бизнесмены и банкиры.

Кравченко подошел к столику, протягивая руку. Богатырев приветствовал его сухо-официально и кивком предложил садиться. Он как раз закончил делать заказ и предложил поступить точно так же Кравченко. У Юрия Константиновича не было особо аппетита, к тому же он недавно позавтракал, однако он все же заставил себя выбрать кое-какие легкие блюда.

Разговор получился довольно коротким. Богатырев рассказал Кравченко о звонке Коновалова, не упоминая имен, и свел беседу к следующему:

– Завод прикрывай. Вся продукцию ликвидируй. Все, до самой мелочи, до самых остатков. Чтобы впечатление было такое, что завод этот мертвый.

– Запах все равно останется, – пробурчал Кравченко, которого совсем не радовала подобная перспектива, лишавшая его привычного источника дохода, и немалого.

– Запах – не икра, его не конфискуешь и в протокол не занесешь, – заметил Богатырев и, почувствовав подавленное настроение собеседника, перегнулся через стол и строго-доверительно сказал:

– Не жадничай, Юра! Я все обдумал. В конце концов, понятно, что все это временно. Ну, поездят, посадят парочку-другую браконьерешек, пошумят... А потом благополучно отбудут к себе и займутся другими делами. К примеру, щучить звероловов на Дальнем Востоке. Или добытчиков золота. Да мало ли на чем поживиться можно! А тебе, по сути, и делать ничего не надо: работники твои быстро все вычистят, завод закроешь, замок повесишь и до свидания.

– У меня там рыбы полно, – хмуро продолжал Кравченко. – И икры уже партия приготовлена. Что же ее, выбросить, что ли?

Богатырев спокойно сказал:

– Реализуй через проверенные каналы. Там, где возьмут безо всяких бумаг. Да, и все документы официальные за моей подписью из дела изъять. Нет завода – нет документов. Это особенно запомни. И пока этот мент московский там не нагостится, к заводу даже близко не подходи. Пускай бурьяном зарастает, потом восстановим. Ну? Все понял?

– Понял, – со вздохом ответил Юрий Константинович.

– Вот и ладно. Значит, можно считать, что мы пришли к консенсусу, – улыбнулся Богатырев и подозвал официанта, который принес счет.

Небрежно бросив на стол нужную сумму и присовокупив к ней солидные чаевые, он стал подниматься. На прощание повторил, что меры эти временные и что в итоге все будет как надо. Однако Кравченко видел, что Дмитрий Васильевич сам нервничает. Значит, боится, что его самого возьмут за жабры! На словах складно расписывает, но явно за свою задницу трясется! Знает, что рыльце в пуху!

Кравченко некоторое время посидел за столиком в одиночестве и задумчивости, потом достал сотовый телефон и набрал номер.

– Алло, Ашот? – заговорил он. – Что с товаром?

– Порядок с товаром! – послышался знакомый голос с легким акцентом и нагловатыми интонациями. – Сегодня привезу, бабки готовы!

– Нет! – резко перебил его Кравченко. – Ничего не вези!

– Как так? – оторопел собеседник.

– Вот так! И вообще в ближайшее время прикрой лавочку!

– Ты что гонишь, начальник? Там товара на пол-лимона!

– Слушай, Ашот! – понизив голос, проговорил Кравченко. – Ты гонор побереги для другого! Сказано – не вези, значит, не вези!

И, переведя дух, добавил уже чуть спокойнее:

– В двенадцать подъезжай, там объясню расклад...

Возникла пауза, в течение которой Кравченко буквально кожей ощущал, как собеседник сдерживает готовые сорвать-

сы с языка ругательства, потом в трубке прозвучал голос:
– Ладно, заметано!

После этого связь отключилась. Юрий Константинович посмотрел на часы. Пора было возвращаться в Бережное, объясняться с Ашотом и разглатывать ситуацию с заводом. Причем первое представлялось Кравченко куда более неприятным занятием. Он не любил Ашота и побаивался его. Было что-то в этом человеке опасное. Особенно глаза: светлые, холодные, словно лишенные жизни.

С Ашотом судьба свела Юрия Константиновича три года назад, когда он решил основать завод по производству черной икры. И с первой встречи Ашот ему не понравился. Но дело свое он знал хорошо: браконьеров крепко держал в руках, не давал борзеть и расхолаживаться, к тому же занимался всеми техническими деталями – оснащением, вооружением и тому подобным. Юрий Константинович получал от Ашота рассортированную рыбу и икру в качестве сырья, непосредственно добычей он не интересовался. Его делом было получать соответствующие подписи в документах и пускать рыбу в производство. Ну и, разумеется, платить деньги Ашоту, часть из которых шла на оплату труда браконьеров и местной полиции. Но этим уже Ашот сам занимался.

Юрий Константинович старался минимизировать общение с Ашотом, ограничивать его только передачей денег. В сущности, он ничего не знал об этом человеке: кто он, отку-

да появился, каково его прошлое. Ашот был довольно мутной личностью. Его кандидатуру рекомендовал ему один из инспекторов рыбнадзора, причем не просто рекомендовал – поставил перед фактом, что поставщиком для Кравченко будет именно этот человек. И Юрий Константинович принял данные условия.

Расплатившись по счету, Кравченко вышел из ресторана, сел в свою «Тойоту» и отправился назад, в Бережное.

Глава вторая

Быстроходный катер почти бесшумно скользил по водной глади, легко лавируя между многочисленными островками. Сидевший за рулем Николай зорко всматривался вдаль. Хотя он и ходил здесь на моторке третий год, все равно так и не сумел научиться стопроцентно ориентироваться в этих запутанных сеточках волжских протоков. Да и как тут их все запомнить, когда протоков этих будто черт понатыкал! А карту этой местности отродясь никто не составлял, только крупные, на которых данных протоков и прорвы островков и в помине не было. Да про них и сами составители наверняка слыхом не слыхивали! Да и не бывали, поди, в этих местах. Только в атласах всяких да путеводителях расписывают здешнюю красоту, заливаются соловьями! Ах, волжская Ривьера! Ах, чудо-благодать! Попробовали бы они поездить по этой «Ривьере», да еще в темноте! Сто раз бы уже заблудились, зареклись бы свои атласы составлять!

Николай Рыжов был зол на людей умственного труда и творческих профессий. Он вообще по натуре довольно злой мужик и при этом весьма категоричный. Признавал лишь собственное мнение, считая его единственно правильным. При этом был уверен, что думает так справедливо.

Себя Рыжов считал человеком земным, трезво мыслящим реалистом. Он терпеть не мог людей восторженных, по его

мнению, витающих в облаках и оторванных от настоящей жизни. Под настоящей жизнью Николай подразумевал вполне насущные понятия: жить просто, по-мужски, для себя. Обеспечивать себе достойное существование, не сидеть сложа руки и не строить воздушных замков. Работать и копить деньги, откладывать на будущее. При этом он был довольно прижимист. Семей не обзавелся осознанно, по совокупности всех вышеназванных причин. Бабы – они вечно разводят всякую лирическую чепуху, им подавай высокие чувства, да при этом еще и содержи как королеву! А Николаю оно надо? Для того, что ли, он горбатится, чтобы какая-то краля на его деньги шикавала? А для удовлетворения физиологических потребностей желающие всегда найдутся. Так лучше и проще: никаких тебе клятв и заверений в любви до гроба, никаких алиментов и раздела имущества. Встретились, отдали долг природе, разбежались. Вот это по-нашему, по-мужски.

Туман над рекой стал сгущаться. Николай нахмурился. Сейчас совсем накроет, черти бы его подрали! А ведь еще нужно найти место и вытащить сети. Оставлять нельзя: до завтра много рыбы погибнет, а это убытки, по карману бьют, жалко... Сжав зубы, Николай подбавил газу, бросил через плечо:

– Далеко еще?

– Нет, метров двести осталось, – отозвался Павел спокойнo, и это вызвало новую волну недовольства у Николая.

Вечно этот Пашка ведет себя так, словно лучше всех все

знает. Ничем его не проймешь! Даже когда в прошлый раз сети порвались, зацепившись за корягу, и куча рыбы ушла сквозь огромную прореху, Павел лишь плечами пожал. Николай готов был рвать и метать, злился на всех и на все: и на изготовителей сетей, и на коряги, и на свою тяжелую долю, а Павлу хоть бы хны! А ведь сколько денег ушло сквозь пальцы! Николая раздражала невозмутимость Павла. И ладно бы был богат, а то ведь вечно ветер в карманах гуляет! Но понятно, женушка все отбирает! Вот, женился на свою голову, теперь и ходит с голой задницей! Да еще двоих детей завел – зачем? Пока у них сопли высохнут, все жилы вытянешь! Был бы один – давно бы скопил себе и на жилье хорошее, и на житье-бытье. А с таким хомутом на шее вечно будешь спину гнуть! А он словно не думает ни о чем! Вон, сидит, смотрит вперед беспечно, глядит себе будто в никуда. Красотами, поди, любитесь!

И Михаил этот тоже сидит, дремлет, покачивается, словно ему и дела нет до того, где место с расставленными сетями. Вот никакого толку от этого Михаила нет! Николай с моторкой управляется, Павел места отмечает, подсказывает, да и моторку на свои деньги купил. А этот только сети помогает ставить да с Ашотом договаривается. А получают одинаково! Николай давно собирался поговорить на эту тему с Ашотом, да все что-то медлил. Знал, что тот к Михаилу относится с симпатией. А что у него хорошего-то? Ну, язык подвешен. И за это его держать?

Видно, есть еще что-то, связывающее Михаила с Ашотом. Рыжов давно это подозревал. Он мрачно покосился в сторону обоих напарников и нарочно, повинувшись какому-то злорадному чувству, повернул руль. Моторка накренилась, вода плеснула за борт.

– Ох, ё! – удивленно воскликнул Михаил, дернувшись, будто очнувшись.

Павел бросил на Николая взгляд. Интересно, поверил он, что Николай случайно наклонил лодку, или нет? По нему не догадаешься!

Вроде бы поверил – вон, молчит, только усмехается как-то криво. А Михаил, поняв, что никакой опасности нет, тут же снова нахохлился, втянул коротко стриженную голову в воротник куртки и с отсутствующим видом замер. Николай насупился и продолжил путь. Теперь приходилось быть еще осмотрительнее: протоки стали особенно короткими и извилистыми, повороты один за другим.

Павел Воронов следил за Николаем и удивлялся. Что за человек! Вечно всем недоволен. А ведь все у него складывается так, как он и декларирует: живет для себя, не бедствует, ни дети, ни жена не напрягают... Павел всегда думал, что Рыжов лукавит в глубине души, подчеркнуто высмеивая людей семейных или просто влюбленных. Он считал, что это продиктовано элементарной завистью. Скорее всего, Николай и сам был бы рад иметь дом и семью, да только тяжелый характер и скарденность мешают ему в этом. И все копит

непонятно на что. Ничего себе не позволяет, живет безо всяких радостей. Даже телевизор новый не хочет себе купить, а уж вполне мог бы приобрести. Для кого ему копить-то? Он, Павел, понятно, что львиную долю заработка отдает жене: двое сыновей-погодков, растить нужно. А Николаю на что, если себе во всем отказывает? Надеется на старость накопить и потом пожить? Только человек, не привыкший себя баловать, и потом не научится этому. Так и будет жить в пустом доме, со спрятанными где-нибудь в подполе записками! А старости ведь может и не быть. Тем более что ремесло у них опасное. Сейчас, правда, удалось устроиться так, что никто не трогает, только все это зыбко. Зачем это Николаю?

Про себя Павел отлично знал: он занимается браконьерством временно, чтобы накопить определенный капитал, обеспечить семье нормальное существование и потом завязать навсегда. Устроиться на какую-нибудь непыльную работу, стаж себе к пенсии накапливать. А Николаю для чего?

С Михаилом ясно: он парень молодой, семьей и детьми не обремененный, у него все впереди. Образования нет, а жить хочется хорошо. Вот кто на себя денег не жалеет! Постоянно новые модные шмотки, современная техника, ноутбук, телефоны сотовые часто меняет, хотя они в этой глуши и ловят-то не всегда хорошо. А главное – по натуре он такой. Авантюрная жилка гонит его с места на место, не дает осесть и устроиться на работу, заставляет менять занятия, выбирая преимущественно опасные и, мягко говоря, не со-

всем законные. Он и здесь долго не задержится, еще годик, максимум другой – и сорвется. А им придется искать нового напарника...

Павел очень сильно надеялся на то, что через год-два ему уже не нужно будет заниматься нелегальным отловом рыбы. Не нужно будет не спать по ночам, расставляя сети, вставать ни свет ни заря, чтобы их вытянуть, постоянно отстегивать всяким проверяющим организациям, местному участковому, рыбнадзору и прочим, не нужно ловить косые взгляды местных жителей, презирающих их, чужаков, обирающих их родные края... Зависеть от Ашота, мнившего себя чуть ли не богом, вздрагивать, бояться, быть готовым сорваться с места... Павел ощущал, что он очень здорово устал от такой жизни. Он мечтал о покое. Но пока еще думать об этом было рановато. Пока еще недостаточно средств, чтобы отделаться и от этих людей, и этих мест, и этой работы...

Воронов прихлопнул прилепившегося к щеке комара и посмотрел налево.

– Здесь! – бросил он Николаю.

Тот сразу заглушил мотор и стал готовиться к работе. Завозился и Михаил, до этого сонно клевавший носом на корме. Лодка замерла, тихо покачиваясь на речной поверхности. Мужчины зашевелились... Пришла пора доставать сети.

Сети были полны рыбы. В темноте она казалась какого-то янтарного цвета. Подтянули, затащили в моторку, Рыжов завел мотор, и лодка тихо, неторопливо пошла к берегу. Все

трое выпрыгнули, Николай и Павел взялись спереди, Михаил подталкивал сзади. Втроем вытащили лодку на песчаный берег. Теперь следовало погрузить рыбу и отправляться к Ашоту. Там сдать улов, получить деньги – и по домам. Обычная схема, отработанная годами.

Привычными движениями принялись рассортировывать рыбу, отделяли крупную от мелкой, дорогую от дешевой. Раскладывали в специально предназначенные для этого мешки. Руки хорошо знали эту работу, дело шло ловко и споро. Оставалось совсем чуть-чуть, и можно ехать. Михаил с Павлом к Ашоту, а Николай отгонит лодку.

Хрустнула ветка, и все трое невольно вздрогнули, обратив взгляды в сторону реденького лесочка. Оттуда, из густой пелены тумана, показалась высокая фигура. Она медленно двигалась в их сторону. Павел, наслушавшийся местных легенд, замер, чувствуя сухость во рту. Застыл и Николай, но по другой причине: в призраков он не верил, а проверяющие органы чуял за версту. Павел увидел, как рука Николая потянулась к карману...

– Здорово, рыбаки! – послышался глуховатый голос.

Михаил всмотрелся, выдохнул облегченно:

– Фу-у-ух, Андреич, это ты! Чего шастаешь по ночам, пугаешь только!

На берег вышел местный участковый, Василий Андреевич Круглов – высокий, жилистый человек с редкими каштановыми волосами и рыжеватыми усиками. Участко-

вым Круглов, кажется, служил здесь вечно – даже старожилы Бережного никогда не упоминали никого другого, кто раньше работал бы на этом посту. А ведь лет Круглову было не так и много – примерно между сорока и пятьюдесятью.

– Чего это тебе не спится, Андреич? – продолжал Михаил радостно, успокоенный, что это не призрак и не кто-то из рыбоохраны.

С Кругловым у них давно сложилось взаимовыгодное сотрудничество: солидную долю прибыли они ежемесячно отстегивали участковому. Он отлично знал, чем они промышляют, но предпочитал делать вид, что не в курсе. Простоватый человек с незатейливым умом, он всегда вел себя как типичный житель глубинки. Но при этом наблюдательный человек бы распознал, что Круглов очень даже себе на уме: он всегда тщательно присматривался, все замечал, только не говорил напрямую, а умел приберегать свои знания и наблюдения на потом, дожидаясь удобного случая, чтобы ими воспользоваться. Сейчас он смотрел на троих мужчин, чуть прищурившись, долгим взглядом, и под этим взглядом все трое вдруг почувствовали себя неуютно.

– Чего не спишь-то? – глуповато повторил Михаил.

– Служба такая, – коротко ответил Круглов.

Он шагнул к лодке, достал фонарик, посветил. Потом нагнулся. Луч высветил огромное количество рыбы, большая часть которой была уложена в мешки из грубой, прочной серой ткани.

– Богатый улов, – заметил участковый, выпрямляясь.

– Ну да, – заискивающе улыбнувшись, подмигнул Михаил. – Поделимся, Андреич!

– Ты, Миша, видно, перепутал что-то, – усмехнулся Круглов. – Я вообще-то при исполнении.

– Да ты чего, Андреич? – заморгал Михаил. – Выпил, что ли, для сугрева?

Николай нахмурился. Сложившаяся ситуация ему совсем не нравилась, и он сделал шаг навстречу Круглову, выходя вперед.

– Какие проблемы, Андреич? – спросил он.

Круглов не торопясь достал новую пачку, выбил из нее сигарету, закурил и, выпуская дым в сторону, сказал скучным голосом:

– Протокол будем оформлять.

– Какой протокол? – оторопело спросил Михаил.

У Павла учащенно забилося сердце, ослабели колени, но он не подал вида, что явственно ощутил реальную угрозу.

– Протокол изъятия будем оформлять, – уже строго сказал участковый. – Изъятия контрафактной продукции. Незаконный вылов рыбы, вот так-то. А за это статья полагается. Так что дальше дело будем открывать. Уголовное.

Мрачный Николай вышел вперед, широкой спиной загордил подельников и, глядя в прищуренные глаза Круглова, спросил с плохо скрываемой злобой в голосе:

– Дело, говоришь? Уголовное? А на себя самого как? Тоже

открывать будешь?

– Что-то ты не то говоришь, Коля, – произнес Круглов. – Наверное, на почве стресса заговариваться начал от расстройства, не иначе.

– Кто из нас заговаривается, это мы сейчас разберемся! – продолжал Николай, глядя на участкового без испуга, лишь прожигая его злобным взглядом. – Тебе что, мало стало? Жадность обуяла? Больше захотел? Так ты так и скажи! Чего понты наворачиваешь? «Слу-ужба, де-ело!» – передразнил он участкового.

– Андреич, ты если больше бабок хочешь, то все вопросы к Ашоту, – ощутив поддержку Николая, вернулся к своему обычному состоянию Михаил. – Он этими делами рулит, с ним и договаривайся.

– Я никакого Ашота не знаю и знать не хочу! – отрезал Круглов. – Я Ашота на месте не ловил. А вас взял с поличным, так что и отвечать вам. И ответите по полной! А если будете еще и клеветать на правоохранительные органы, я добьюсь, чтобы вам дополнительный срок впаляли!

Павел невольно отступил назад, поняв вдруг, что участковый не шутит. Николай же, напротив, напрягся и шагнул вперед, наливаясь яростью. Резким движением выхватив из-за спины ружье – отличный новенький карабин, коим был снабжен Ашотом, – он вскинул его и направил прямо на Круглова. Павел, побледнев, ухватил Николая за плечо, но тот резко, с силой скинул его руку.

– Места здесь уж больно запутанные, – негромко, но отчетливо проговорил он. – Сам теряюсь, хоть не первый год рыбачу. Тут лошадь с упряжкой пропадет – вовек не найдешь. А человек – вообще мелкая сошка...

– Коля, Коля, хорош, успокойся! – торопливо заговорил из-за спины Николая Павел, пытаясь образумить приятеля и не усугублять ситуацию.

– Не трожь! – сквозь зубы процедил Рыжов так, что Павел отшатнулся.

Заглянул в глаза Николаю – они налились кровью и сверкали очень нехорошим блеском. Видимо, участковый тоже почувствовал настроение Рыжова, потому что отклонился влево и крикнул:

– Сюда!

Из-за кустов быстро появились двое мужчин. Никто из троицы рыболовов их никогда не видел раньше. Мужчины были в форме, но из-за темноты было не разобрать, какого именно ведомства. У каждого в руках было ружье. Они быстро подошли к лодке. Николай, постояв немного, медленно опустил ствол.

– Браконьеров поймали, Василий Андреевич? – спросил один из них.

– Да вот, с поличным взял, – проговорил Круглов, с усмешкой глядя на Николая.

Тот, тяжело дыша, сжимал кулаки. На правой, той, что сжимала ружье, побелели костяшки.

– Ну что, забираем? – небрежно спросил один из мужчин.

– Подождите, – вмешался Михаил. – А вы, собственно, кто будете?

– Мы-то, собственно, из областного комитета рыбоохраны, – улыбнулся один из мужчин, доставая хрустящее удостоверение. – Так что давайте, ребята, без глупостей. Не стоит делать ситуацию еще серьезнее, чем она сложилась.

– Пойдите, – Михаил улыбнулся, блеснул зелеными глазами, явно пытаясь решить вопрос миром. – Мужики, мы все понимаем и не спорим. Виноваты – да, признаем. И честно клянемся, что больше никогда незаконно ловить рыбу не будем. Ну зачем нам ехать куда-то? Давайте договоримся на месте, штраф оплатим как положено и квитанции не потребуем. И рыбу можете себе забирать, не пропадать же добру! А тут, между прочим, тысяч на двадцать будет только в сыром виде, без переработки. Про икру я вообще помалкиваю... Ну, дело же предлагаем! Обещаем: здесь вы нас больше не увидите! К чему вам лишние хлопоты-то?

Мужчины переглянулись и засмеялись.

– Ничего, – сказал один из них. – Мы уж похлопочем.

– В машину давайте! – холодно произнес второй, кивая в сторону.

За кустами послышалось фырчание автомобильного двигателя. Стало ясно, что их там дожидается служебная машина инспекторов. Деваться было некуда, спорить бесполезно. Их всерьез решили повязать. Видимо, у рыбнадзора и участ-

кового был какой-то свой интерес, не касающийся денег, раз они наотрез отказались от вознаграждения.

Все трое – и Николай, и Михаил, и Павел – были в замешательстве. Подобная ситуация сложилась впервые и была совершенно нехарактерной для них. Они отлично знали, что и участковый, и вся местная полиция, и рыбоохрана прекрасно осведомлены о том, что браконьерская добыча рыбы в этих краях ведется, и весьма активно. Только бороться с этим всерьез никто не собирался, поскольку всем было выгодно. И участковый, и его начальство, и комитет – все кормились за счет рыбы, добываемой местной троицей, находившейся под патронажем Ашота. Во всей этой круговой поруке действовал негласный уговор: браконьеров не трогать. Они честно платили свою долю. Точнее, платил Ашот, а уж как он там договаривался с властями, ни Михаила, ни Николая, ни Павла не касалось. Они выполняли свою работу, добывали рыбу и переправляли ее Ашоту. Дальнейшее – документы, сбыт, договоры с чиновниками – не имело к ним отношения. В этой цепочке каждый занимался своим делом. Дело участкового Круглова заключалось в том, чтобы закрывать глаза на грехи браконьеров. И дело свое Круглов знал и выполнял на отлично. Ровно до сегодняшнего момента, который никому из троих попавшихся браконьеров был непонятен. То ли участковый решил таким образом выслужиться перед каким-то высоким начальством, то ли поменять штат на своих людей – неизвестно. Ясно одно: ехать с комитетчи-

ками придется.

Михаил, видимо, первым понял и принял это. Глубоко вздохнув, он шагнул в направлении машины. Следом за ним пошел и Павел. Один Николай продолжал стоять, прожигая участкового Круглова насквозь ненавидящим взглядом. Потом медленно произнес:

– Ну и сука же ты, Андреич!

После чего сплюнул под ноги, попав на носок ботинка Круглова, и не спеша двинулся к автомобилю...

В машине они ехали долго. Всю дорогу молчали: во-первых, настроение у всех троих было ни к черту, так что говорить не хотелось. Во-вторых, были они не одни: впереди, в кабине, сидели оба инспектора плюс шофер. Машина – белая «Газель», салон которой был лишен окон. Николая, Павла и Михаила поместили в этот самый салон, отделенный от кабины лишь перегородками сидений. Так что любое слово отлично было слышно спереди.

Дорога была отвратительной, машину постоянно трясло, и казалось, что это путешествие никогда не закончится. В конце концов их все-таки привезли на место. Машина остановилась, один их инспекторов вышел из нее и, открыв дверцу, коротко приказал:

– На выход!

Все трое потянулись на улицу, спрыгивая из машины и потирая затекшие мышцы. Впереди маячила темно-красная стена какого-то здания, к которому их и повели. Когда подо-

шли ближе, стала видна вывеска: «ОБЛАСТНАЯ ИНСПЕКЦИЯ РЫБООХРАНЫ».

Всех троих без разговоров провели в какую-то темную комнату, похожую на камеру, но все же отличавшуюся от нее. Здесь не было нар, только длинные сиденья вдоль стен. Решетки на окнах. Что это было за помещение и на какое время их сюда поместили, никто задержанным не сказал. Те двое, что их задержали, сразу куда-то ушли, передав их дежурному, который и препроводил их в эту комнату, после чего сразу исчез. Участкового Круглова тоже не было: он вообще не поехал в город. Видимо, его миссия в данном деле ограничилась тем, что он задержал браконьеров с поличным и опознал их личности.

Михаил первым сел на лавку и откинулся к стене. Павел примостился у самого края.

– Ничего себе инспекция рыбоохраны! – пробормотал он. – Да тут настоящая тюрьма!

Николай все еще топтался на месте, словно выражая таким образом протест. Потом, видимо, поняв, что никому своим стоянием ничего не докажет, подошел к лавке.

– Подвинься! – буркнул он, грубовато толкая Михаила в бок.

– Чего крысишься, Колян? – неодобрительно покосился на него Павел. – Нам всем тут несладко. Если мы еще между собой грызться станем, то все трое потонем. Вместе попали – вместе и держаться надо. Может, еще получится выбраться!

Павел ни на миг не терял надежду, что им все-таки удастся как-то отмазаться, как-то выбраться из истории, в которую они попали.

– Я сроду ни с кем вместе не был! – отрезал Николай. – Я всегда сам по себе!

– Зря, – пожал плечами Павел. – Вместе легче.

– Все из-за вас! – неожиданно зло проговорил Рыжов, поочередно обводя своих подельников мрачным взглядом.

– О как! – удивленно вскинул брови Павел. – Мы-то тут при чем?

– При том! – огрызнулся Николай. – Не связался бы с вами – сейчас не сидел бы тут!

– Ловко ты все повернул! – усмехнулся Павел. – А что бы без нас делал-то? Лодка моя, с Ашотом все терки Мишка разруливает. Один бы ловил, на удочку? Или сетки бы внаглую поставил, без крыши? Так тебя бы в тот же миг зала-стали под белы ручки! Давно я за тобой наблюдаю, и настроение мне твое совсем не нравится! Вечно на нас волком смотришь, словно мы тебе дорогу в чем-то перешли!

Николай что-то пробурчал себе под нос. Павла же словно прорвало. Нервное напряжение последних часов выплески-валось из него обвинениями в адрес Николая.

– А может, это все ты, а? – выкрикивал он, сжимая кула-ки. – Может, ты нарочно с Кругловым сговорился? А перед нами спектакль разыграл, а? Может, вы вместе все к рукам прибрать хотите?

– Думай, что говоришь! – рявкнул Николай, но Павла уже было не унять.

Он вскочил с лавки и, встав перед Рыжовым, запальчиво продолжал:

– Я-то как раз думаю! И думки мне всякие разные в голову приходят! И все они, как ни крути, тебя касаются! Ты все время воду мутишь! Тебе вечно все не так! И денег мало, и рыбы, и Ашот жадный, и мы не за дело получаем! Думаешь, я ничего не замечаю? Ясен пень – твоих это рук дело! Крыса! Иуда!

– Че-го? – взбеленился Николай, тоже поднимаясь со скамейки.

Драка казалась неизбежной. В этих стенах она была особенно неуместна, и Михаил, молчавший до этого, вмешался:

– Так, мужики, вы что, лишнюю статью хотите на себя повесить? Нам выбираться отсюда надо, а не собачиться! Выход искать!

– Какой выход? – заморгал ресницами из-под круглых совиных глаз Николай.

– Мозги включите, – спокойно произнес Михаил. – Круглов знал про нас? Знал. Рыбнадзор знал? Знал. И всех все устраивало! А теперь перестало. Значит, что-то поменялось, и у них появился другой интерес. Вот нам этот интерес и нужно выяснить и попытаться его удовлетворить.

– Че-го? – нахмурившись, снова спросил Рыжов. – Что значит – у-до-влет-во-рить? – с издевкой повторил он по сло-

гам. – Я никого удовлетворять не собираюсь!

– Да включи ты мозги, Коля, в самом деле! – с досадой сказал Павел. – Михаил верно говорит. Им что-то надо. Что, если не деньги? Это нужно узнать обязательно!

Недалекий Николай переглянулся с Михаилом.

– Как узнавать-то? – спросил он.

– Как, как! Поговорить надо по душам! – пожал плечами тот. – Не зря же нас сюда привезли! Значит, разговор имеется. Кто-то же должен прийти по нашу душу!

Все невольно обратили взгляды на дверь. Она была плотно закрыта, за ней не слышалось ни звука. Складывалось впечатление, что в здании вообще никого не было.

– Когда за нами придут-то? – неуверенно спросил Павел.

– А шут его знает! – пробурчал Николай, снова опускаясь на лавку и ощущая на себе испытующий взгляд Павла. – Ну чего пялишься? – спросил он. – Ни с кем я ни в какой сговор не вступал! Я знаю, мужик я тяжелый, но хоть ты и обозвал меня Иудой, такими делами сроду не занимался!

– Ладно, Коля, – проговорил Павел. – Не злись. Это все от нервов.

– Пашка прав: нам вместе надо прикинуть, что там за расклад они нам готовят, – отозвался Михаил.

– А может, это Ашот? – высказал предположение Павел. – Решил от нас избавиться таким способом.

– На фига? – воззрился на него Михаил. – Ему какой прок новых людей набирать? Расценки устраивали обе стороны.

Товар мы ему поставляли исправно, места знаем, свое дело тоже. Все налажено. А других в курс дела заново вводить надо. К тому же у нас уже доверие за это время установилось. А новых – кто их знает, что у них на уме? Кто угодно может подсадной уткой прикинуться!

– Дове-erie! – презрительно процедил Николай. – Наивные вы! У меня к Ашоту сроду никакого доверия не было. Я никому не верю! Я...

– Ты сам за себя, слышали, – спокойно прокомментировал Михаил. – Но я стараюсь оценивать объективно.

– Че-го? – снова спросил Николай, но Михаил лишь отмахнулся от него, явно думая о своем.

– А может, это участковый все замутил? – высказался Павел.

– Очень может быть! – с готовностью кивнул Николай: такая версия явно пришлась ему по вкусу.

– Участковый в этом деле – мелкая сошка, – задумчиво проговорил Михаил. – Он ничего не решает. Его держат здесь как марионетку, потому что он для этой роли очень удобно подходит. Не-ет, тут другие люди стоят. Повыше нашего старого доброго дяди Толика.

– И что же это за люди? – с интересом посмотрел на него Павел. – Рыбнадзор, что ли?

– Возможно, – неопределенно сказал Михаил, глядя в потолок.

– Но рыбнадзор и раньше знал про наши дела! Где мы им

дорогу перешли? Мы не борзели, вели себя скромно, долю Ашот честно отстегивал!

– А может, он скурвился, Ашот-то? – прищурил глаз Рыжов. – Жадничать стал, вот ему и решили хвост прищучить! Через нас!

– Тогда бы его первого отсюда пинком под зад погнали.

– А ты откуда знаешь, что не погнали? Может, он за соседней стенкой сидит? – и Николай для наглядности даже постучал тяжелым кулаком по стене.

Павел с Михаилом невольно посмотрели туда же.

– Если бы какие-то терки у Ашота с полицией или чиновничьей братией начались, это бы уже давно известно было. И нас бы с бухты-барахты не дергали.

– А может быть... – начал было Павел, но Михаил устало перебил его:

– Что толку гадать – может быть, не может... Говорить надо прямо, тогда все ясно станет. Только что-то никто не торопится...

– Да что ж они там, измором, что ли, нас взять решили? – не выдержал Николай.

Рывком поднявшись с лавки, он, громыхая ботинками, прошел к металлической двери и принялся дубасить в нее кулаком. Никакой реакции не последовало. Рыжов приложился к замочной скважине и заорал:

– Эй! Долго нас тут мариновать будут?

Ответа не было.

– Пожрать-то хоть дайте, эй! – Николай слишком сильно ударил по двери, отбил руку и стал стучать ногами. Грохот разносился по всему коридору.

– Уймись ты! – недовольно сказал Михаил. – Все равно это ничего не даст. Держать будут столько, сколько решили. Так что наберемся терпения и ждем!

И он, прикрыв глаза, погрузился в дрему. Из всех троих Николай был наделен терпением в наименьшей степени. Поэтому он еще некоторое время колошматил ботинком в дверь, пока ему не надоело. Тогда он, ворча, вернулся к лавке и уселся на нее, с мрачным видом глядя перед собой.

Продержали их в этой комнате долго, несколько часов. За все это время никто к ним не пришел, никто никуда не вызвал, и даже поесть никто не принес – даже куска хлеба. Окна в комнате не было, так что определить, наступил ли рассвет и вообще какое сейчас время суток, представлялось невозможным. Однако дал знать о себе холод, откуда-то проникавший в помещение. Николай, задремавший было в полусидячем положении на лавке, зашевелился, просыпаясь. Сел, поеживаясь и протирая глаза. Сильно расстроенный Павел, кажется, так и не сомкнул глаз, а Михаила отличала одна особенность: он всегда с необычайной легкостью как впадал в сон, так и выходил из него. Вот и сейчас, потревоженный движениями Николая, он раскрыл глаза и обвел комнату взглядом, в котором не было и намека на сон.

– Пытку голодом, что ли, придумали? – пробурчал спро-

соня Рыжов.

– Ага, – бесстрастно добавил Михаил. – А также жаждой и лишением социальных контактов. Только не говори «Чего?» – с усмешкой сказал он.

Быстро сбросил длинные ноги со скамьи и встал, потягиваясь и принимаясь делать наклоны и приседания, чтобы скорее согреться. В это самое время за дверью послышался скрежет, напоминавший звук вставляемого в замочную скважину ключа. Михаил моментально выпрямился, Павел тоже весь подтянулся на лавке, а Николай стал еще угрюмее.

Открылась дверь, и в ней показался... участковый Круглов. Он спокойно прошел и присел на лавку между Павлом и Николаем. Выражение лица у него было благодушным, словно он пришел в гости провести своих хороших знакомых.

– Как ночка? – спросил словно бы между делом.

Все молчали. Круглов усмехнулся в усы.

– Да, в казенных стенах спать плохо, – будто отвечая сам себе, заметил он, качая головой.

– Слушай, Андреич! – обратился к нему Михаил. – Давай начистоту. Тебе что надо? Ты говори прямо, мы ж понимаем, что ты не нашим самочувствием пришел поинтересоваться.

Круглов обвел всех троих неторопливым взглядом.

– Понимаете, – со вздохом проговорил он. – Ни хрена вы, ребята, не понимаете!

Во взгляде его было что-то странное, похожее одновременно на досаду и тоску.

– Так ты объясни, пойдем, – чуть удивленно предложил Михаил.

Круглов поудобнее устроился на лавке и снова вздохнул.

– Что ты охаешь, как старая бабка! – попенял ему Рыжов. – Есть дело – говори!

– Вам, ребята, сложно понять мое положение, – начал участковый. – Вы народ свободный, начальства над вами нет. Ни с какой бюрократией не сталкиваетесь, сами себе хозяева... На моторке прикаспийские просторы рассекаете, природой любуетесь...

– Так, у нас не жизнь, а малина, мы поняли! – перебил собеседника Михаил. – Дальше!

– Ты старших не перебивай, Миша, – придал голосу строгие нотки Круглов, однако все трое уловили в нем унылые интонации. Участковый явно пытался сейчас показаться перед ними своим парнем, оказавшимся в еще более тяжелом положении, чем они сами. – Вот что, ребята, я вам хочу пояснить, чтобы вы уразумели. Я человек маленький, подневольный. Мне что начальство прикажет, то я и делаю. Тем более времена сейчас настали такие, что не приведи Господи! Сплошная коррупция и показуха!

– Ты еще перекрестись! – посоветовал Николай. – Чего прибедряешься-то? Песни какие-то жалистные поешь! Ты к чему клонишь?

Круглов пожевал губами и сказал:

– К тому, что в последнее время вопрос о спасении рыб

осетровых пород прямо костью в горле стоит. Лично президент этим вопросом озаботился, вот так-то! Лично организовал, лично первого осетра в воду опустил и даже поцеловал, если вы не в курсе. Благословил, так сказать.

— Ну а мы здесь при чем? — насмешливо спросил Михаил. — Сам говоришь, мы люди маленькие. Куда нам до президента!

— Мы все здесь при том, — со значением подчеркнул Круглов. — И действия президента — это часть программы! — по слогам продиктовал он, словно объяснял первоклассникам основы правописания. — И программа эта внедряется повсеместно. О коррупции в рыбоохране и полиции только и талдычат! Собираются гайки закручивать и меры ужесточать — и по коррупции, и по браконьерству. И это не шутки, я вам серьезно говорю! — Круглов покачал головой. — И то, что случилось сегодня, — первый звоночек. Короче, я вокруг да около ходить не буду, расклад такой: пришел приказ оттуда, — он показал пальцем в потолок, — заловить троих-четверых браконьеров и посадить. И не просто посадить, а устроить показательный процесс. Раструбить об этом на всю область, в газетах, журналах, по телику все подробно расписать. Дескать, вот вам наглядные результаты борьбы!

Круглов посмотрел на всех троих мужчин, которые внимательно его слушали.

— Все ясно! — кивнул Михаил. — Что-то подобное я и предполагал. Козлов отпущения ищут! Вот мы ими и оказались.

– Но почему именно мы? – робко подал голос Павел.

– Ну кто-то же должен быть первым! – с веселым цинизмом произнес Михаил.

– Ну уж нет! – вмешался Николай. – Так дело не пойдет! – замотал он головой, крепко сидевшей на бычьей шее. – Дураков в другом месте ищите! Денежки, значит, все хапали, а отвечать мы должны? Дудки! Не на того напали! И ты, Андреич, запомни: если до суда дойдет, я молчать не стану! Всех за милую душу вложу, всех – и Ашота, и тебя, и начальство твое! Никто от тюрьмы не уйдет! Если уж мне сесть суждено, так я вас всех, уродов, за собой потяну!

– Угомонись, Коля! – прикрикнул на него Круглов, у которого на лбу выступили бисеринки пота. – Никто так вопрос не ставит!

– А как ставит? – зарычал Николай. – Ты тут соловьем разливаешься, про долю тяжкую рассказываешь, а сам только и думаешь, как бы в кусты сбежать!

– погоди, Коля, давай послушаем, что Андреич предлагает, – сказал Михаил, потянув разбушевавшегося Николая за рукав.

– Да чего его слушать? – рявкнул Рыжов. – И так ясно, к чему он ведет: мы на себя все возьмем, он от начальства благодарность получит и премию пять тысяч за то, что такой крутой, браконьеров с поличным поймал! А дальше – по цепочке! Его начальство за помощь в борьбе с коррупцией новые иномарки себе купит, а чиновники – еще одну виллу на

Канарах! И все нашей кровью! Вы что, мужики, не понимаете, что ли? Они же нас специально подставили, под монастырь подвели! А рулил всем вот этот гад! – Он ткнул толстый палец в сторону Круглова.

– Так, ты тюрьмы избежать хочешь или нет? – заорал на него участковый.

Николай осекся на полуслове, ворча что-то себе под нос, но отвечать не спешил.

– Хочешь или нет? – повторил Круглов, не снижая тона.

– Хочу! – огрызнулся Рыжов.

– Тогда разоряться прекрати и дальше слушай! Мне никакого резона сажать вас нет! Но повторяю: я лицо подневольное. Мне приказали найти браконьеров – я нашел. А вот если вы сумеете кого другого найти вместо себя, то все будет путем! Городской полиции и рыбоохране все равно, кого сажать, лишь бы дело было закрыто! Так что послушайте моего совета... – Круглов придвинулся ближе и понизил голос: – Ищите лопухов, которых можно вместо себя подставить! Только не просто так, а чтобы их с поличным взять! И чтоб все заранее продумать, чтобы комар носа не подточил! Чтобы с доказняком порядок полнейший был! Доказательства чтобы как на блюдежке лежали! Тогда их и посадят.

Повисла тишина. Круглов, выговорив наконец все то, что собирался, открытым текстом, умолк и перевел дух.

– А дальше? – первым нарушил молчание Михаил.

– А дальше все по списку, – ухмыльнулся Круглов. – Их

сажают, я благодарность получаю, начальство довольно и спокойно.

– И едет на Канары? – язвительно спросил Михаил.

– Ну и пускай себе едет! – громыхнул кулаком по лавке Круглов. – Не завидуйте! У начальства свои деньги, у нас свои! У них другой уровень, и бог с ними!

– Набожный ты какой! – ввернул Николай. – Небось в рай надеешься попасть? На чужом горбу въехать? А я...

– Тихо! – резко прервал его Михаил, явно раздумывая. – Значит, четверых лопухов, говоришь, надо найти? Тогда все в ажуре будет?

– Можно троих! – разрешил Круглов.

– А нам гарантии какие?

– Мое честное слово! – важно сказал участковый.

– Ха-ха-ха! – раздельно выговорил ему прямо в лицо Михаил. – Ты уж так больше не говори, Андреич, а то я разрываюсь!

– Вам сейчас не о гарантиях думать надо, а как шкуру свою спасти, – нервно заметил Круглов. – Но со своей стороны могу обещать: как только трое браконьеров будут взяты с поличным, ваше дело автоматически закрывается. Все материалы окажутся у меня, я их при вас уничтожу. И все! Не было никакого дела, не было никакой рыбы! Ну? Как расклад?

Он посмотрел на мужчин. Все трое переглянулись.

– Где бы еще найти таких дураков... – проговорил Миха-

ил, что-то прикидывая в уме.

– Найдете! – оптимистично заявил Круглов. – Думайте. Если согласны – сейчас домой поедете. Я даже по доброте душевной могу на своем драндулете подбросить. Нет – сидите.

– Домой? – встрепенулся Павел.

– Домой, домой. В Бережное, – подтвердил Круглов.

Михаил посмотрел на своих подельников, потом кивнул и твердо произнес:

– Мы согласны!

– Вот и ладненько! – Участковый сразу повеселел, глаза его заблестели.

Он посмотрел на мужчин и спросил дружелюбно:

– Вы, поди, проголодались? Сейчас я распоряжусь насчет обеда...

– Нет уж, благодарим покорно! – прижав руки к груди, саркастически проговорил Михаил. – Мы уж как-нибудь до дома потерпим. Только ты доставь нас поскорее.

Круглов прокряхтел что-то и пошел к выходу.

– Андреич! – окликнул его Павел.

Участковый обернулся.

– Ты мне вот что объясни. На фига надо было нас сюда тащить? Неужели не мог там, на реке, все это объяснить?

Круглов усмехнулся.

– А чтобы вы прониклись всей серьезностью ситуации, – сказал он. – И на своей шкуре ощутили, какова она, тюрем-

ная жизнь!

– Эх, и гнида же ты, Андреич! – с чувством произнес Николай.

– Так, а лодка наша где? – сузил глаза Михаил.

– На месте ваша лодка! Стоит, родимая, хозяев дожидается! – ответил Круглов. – Так что, едете?

Все трое, хоть и были злы на участкового, не стали заставлять себя уговаривать. Поднявшись со скамьи, все потянулись вслед за Андреичем. Дежурный, выпускавший их, не сказал им ни единого слова. На проходной тоже не задали никаких вопросов – пропустили без всяких задержек. Круглов на прощание козырнул дежурному и двинулся к своей машине. Павел, Михаил и Николай молча влезли туда же. Весь оставшийся путь они не разговаривали с участковым, каждый думая о том, как выпутываться из того положения, в которое они влипли.

Глава третья

– Ну так что, решили?

Антон поднял наполненную пивом кружку, подул на пену и, оглядев приятелей заговорщицким взглядом, подмигнул обоим. Илья кивнул, и взгляд Антона тотчас стал довольным и спокойным, как бы говоря: «Ну вот и отлично, другого я и не ожидал». Антон уже поднес было кружку к губам, предвкушая удовольствие от холодного напитка, но перед этим посмотрел на Славика, и выражение его лица переменилось. Славик выглядел смущенным и виноватым. Он молча смотрел перед собой и бесцельно крутил в руке взятый с тарелки сухарик. Антон невольно опустил кружку.

– Ну так решили, Слава? – уточнил он.

– Понимаешь, Антоха... – со вздохом заговорил Славик. – Я не могу. Никак не могу.

– Да ты что? – изумленно спросил Антон. – Мы же еще год назад договаривались! И Серега нас ждет.

Славик снова вздохнул. Потом посмотрел на Илью и проговорил:

– Я уже Веронике обещал на море...

Антон растерянно перевел взгляд на Илью, словно ожидая от него поддержки. Илья, всегда немногословный, лишь пожал плечами. По его лицу сложно было догадаться, что он думает по этому поводу, однако Славик, хорошо знавший

обоих друзей много лет, отлично понял, что своим решением внес разлад в общие планы. Тогда он заговорил торопливо и оправдываясь:

– Ребята, вы не обижайтесь только... Просто Вероника пожаловалась, что мы с ней ни разу на море не ездили. А у нее все подружки каждый год там отдыхают. И вообще мы еще ни разу с ней в отпуск вместе не ездили. Я все работаю, работаю... А тут наконец удалось в кои-то веки полноценный отпуск получить. Ну, и как я ее брошу? Нехорошо...

– Ну так бери ее с собой! – живо подхватил Антон. – Машина у тебя большая, места всем хватит!

Он подтолкнул Илью, однако тот вновь лишь кивнул, выражая согласие. Но Славик воспринял предложение явно без воодушевления.

– Не поедет она, – пробормотал он. – Я уже предлагал, так она меня на смех подняла. Чего, говорит, мне делать в твоей богом забытой деревушке?

– Не в деревушке, а в селе! – поднял палец Антон.

– Для нее это без разницы! – махнул рукой Славик.

– Да ты только подумай! – Антон решительно отодвинул кружку и наклонился к Славику. – Там такая природа! А рыбалка! Это же дельта Волги, рыбная сокровищница! Она такого никогда в жизни не видела!

– Не любит она рыбалку, – отмахнулся Славик. – И вообще, она отдыхать хочет. С комфортом! – подчеркнул он.

– Будет ей комфорт! Серега же обещал, что предоставит

нам царские условия! У него половина дома пустует. Выделим вам отдельную комнату как будущим молодоженам... Речка в двух шагах. Купайся, загорай сколько душе угодно! Не хуже, чем на море! К тому же на Черноморском побережье ступить некуда, там весь пляж словно одна гигантская подстилка. Был я там в позапрошлом году, и больше ни ногой! Кругом одни телеса, того и гляди наступишь! А там – благодать! Народу мало, тихо, спокойно. А уж по деньгам насколько выгоднее! Едем своим ходом, за жилье платить не надо, питаться опять же просто! Рыбы наловил, нажарил – вот тебе и первое, и второе!

– На одной рыбе месяц тянуть? – Славик позволил себе язвительные интонации, хотя и понимал, что не совсем прав, подводя друзей.

Славик Капитонов, Антон Данько и Илья Храмов пять лет назад окончили волгоградский университет, факультет экологии и природопользования. Они и раньше были знакомы, поскольку жили неподалеку друг от друга. Илья с Антоном даже учились в одном классе. Славик примкнул к ним на подготовительных двухгодичных курсах, окончив которые все трое благополучно поступили в университет. Вместе с ними учился и Серега Воеводин. В отличие от местных Славика, Антона и Ильи Серега приехал из поселка Бережного Астраханской области, но это не помешало ему как-то легко и быстро влиться в их компанию и занять там свое, законное место. Дружба сложилась крепкая, все студенческие

годы четверка была неразлейвода. За пять лет учебы чего только не было! Студенческие годы обычно остаются в памяти на всю жизнь, поскольку богаты на события, эмоции и впечатления. Юность есть юность, в ней все воспринимается особенно остро. Даже острее, чем в детстве.

И вот теперь, спустя пять лет после окончания университета, друзья договорились наконец встретиться и провести вместе отпуск. Ну, волгоградская троица-то и так периодически пересекалась, а вот Воеводин, с тех пор как уехал к себе в Бережное, в городе не был ни разу. Правда, это не мешало им поддерживать связь, периодически перезваниваясь.

Сергея-то и пригласил их к себе в поселок. После женитьбы на своей землячке по имени Наташа, о которой он еще в университете прожужжал друзьям все уши, Воеводиным стараниями тестя достался просторный дом на две половины. Правда, вторая пустовала, поскольку жили они вдвоем с год назад родившимся сыном Егоркой, и у Натальи, занятой ребенком, просто не хватало сил содержать еще и вторую часть. Пускать же туда квартирантов не хотелось, во-первых, из-за лишнего беспокойства – не каждый согласится жить бок о бок с посторонними людьми, а во-вторых, потому, что подобный бизнес в поселке был не очень востребован. В основном у всех местных жителей имелось свое жилье и снимать дополнительное не было надобности. Да и не принято. Небольшой поселок Бережное отличался устоявшимися традициями и по менталитету был близок российской глубин-

ке, с ее нравами, слухами, сплетнями и огромным значением того, «что скажут люди». Словом, глухая провинция в самом классическом смысле.

Однако бывших однокурсников это нисколько не пугало, даже наоборот, прельщала романтика волжских островов, раскиданных между многочисленных протоков, жизнь в условиях, отличавшихся от привычных благ цивилизации, да и встреча с другом юности сулила много интересного. К тому же у Антона Данько был еще и свой интерес в этой поездке: после окончания университета он подался в журналистику, где, к собственному удивлению, проявил себя весьма успешно и даже порой замахивался на художественные произведения. Пока, правда, он ограничивался малоформатными рассказами, но в душе вынашивал план написать повесть или даже роман на тему реалий современной жизни.

Антон был не единственным, кто после учебы отклонился от выбранной профессии. Собственно говоря, из всех четверых только Илья Храмов трудился согласно полученному образованию: он работал экологом при крупном предприятии, занимавшемся строительством промышленных объектов, и деятельность его сопровождалась оценкой воздействия на окружающую среду, чем и занимался Храмов.

Славик Капитонов, год проработав в школе учителем экологии, устав от нищенства и бесконечных комиссий, проверок, педсоветов и выходов учеников, коих не сильно превосходил по возрасту, помыкался после увольнения то здесь, то

там. И в конце концов плюнул и в сердцах принял предложение своего дяди поступить под его начало. Аркадий Петрович возглавлял фирму по продаже цветных металлов, которая приносила ему неплохой доход. Однако Славик поначалу отказывался, отнекиваясь тем, что специфика его образования все-таки далека от той, в которую ему предстояло окунуться. Однако дядя говорил, что это не главное, к тому же все родственники были за, и Капитонов, когда в очередной раз получил зарплату и понял, что ее едва хватает, чтобы протянуть месяц, в сердцах согласился на предложение Аркадия Петровича.

Работа сильно отличалась от той, к которой готовил себя все пять лет интеллигентный Славик, отнимала кучу времени и нервов, но зато обладала неоспоримым плюсом под названием «деньги».

Зарплата, которую получал Капитонов за совершаемые сделки, конечно, не была адекватна заработку дяди, занимавшего пост генерального директора и являвшегося по сути хозяином предприятия. Но даже эти деньги после долгих мытарств казались Славику пределом мечтаний. Да и друзья, Антон с Ильей, были согласны, что зарплата приличная. И родители были довольны. Словом, все, кроме Вероники. А ее мнение было для парня, пожалуй, наиболее важным...

Славик познакомился с ней полтора года назад и с первой же встречи оказался буквально очарован девушкой. Она была яркая, уверенная в себе и очень красивая. Собствен-

но, именно красота Вероники и сразила его так, что обычно рассудительный, но немного наивный, склонный к романтике Славик потерял голову.

Помимо красоты, Вероника отличалась довольно капризным нравом, но Капитонов воспринимал ее прихоти как должное, всего лишь как естественные желания амбициозной девушки, хотя, по сути, основания для амбиций и ограничивались ее красотой.

Вероника была девушкой образованной, она окончила факультет фармакологии в волгоградском мединституте, но работать по специальности не спешила. Да и вообще не слишком-то стремилась работать, постоянно заявляя о том, что училась не для того, чтобы горбатиться за гроши, что она мечтает о настоящей карьере и что вообще содержать женщину – обязанность мужчины. То есть его, Славику, обязанность, поскольку именно он официально считался ее бойфрендом.

Капитонов же воспринимал собственную роль несколько иначе, он считал себя ни больше ни меньше будущим мужем Вероники. Уверенность в том, что у них будет семья, была непоколебима. И он, тогда еще начинающий менеджер крупной компании, из кожи вон лез, чтобы удовлетворить запросы Вероники, которые оказались немалыми.

Деньги, заработанные Славиком в бизнесе дяди и ради которых он жертвовал многим – временем, сном, даже увлечениями, поскольку ради работы пришлось отказаться от лю-

бимых шахматных турниров, которые раньше он посещал три раза в неделю по вечерам, — очень быстро расходились на то, чтобы сводить Веронику в новый дорогой ресторан, свозить в аквапарк, в санаторий, да и просто чтобы купить ей новое колечко или телефон. Славик не был жадным, и ему даже нравилось доставлять Веронике удовольствие. Смущала его лишь реакция девушки: вместо благодарности она чаще всего сравнивала его подарки с тем, что имели ее подруги, и сравнение это было явно не в пользу Капитонова. Лена, например, ездила со своим молодым человеком в Испанию, а Света получила на день рождения шубку стоимостью в три месячных зарплаты Славика... И как ни пытался он убедить Веронику в том, что не все дается сразу, что нужно подождать и что не столь уж «нищенски» они существуют, Вероника стояла на своем. Надувала красивые губки, морщилась и даже не разговаривала со Славиком. А тот лишь вздыхал, больше всего боясь потерять ее, и выполнял очередной каприз.

При этом Славик отмечал про себя, что Вероника частенько противоречит сама себе: обвиняет его в том, что он недостаточно зарабатывает, чтобы ни в чем себе не отказывать, и при этом жалуется на то, что Славик уделяет ей мало времени, что часто занят по вечерам и даже в отпуске практически не бывает, а если у него и получается, то длится он не дольше одной недели. На возражения Славика о том, что приходится делать выбор либо деньги, либо отдых, Вероника

реагировала обычным для нее обиженным выражением лица и язвительным намеком, что настоящие мужчины умудряются совмещать и то и другое.

Славик понимал, что за этим стоит инфантилизм и, что там греха таить, не слишком высокий уровень интеллекта, но даже не помышлял о том, чтобы высказать девушке свои претензии вслух.

На этот раз идеей фикс для нее стала поездка в Хорватию. Капитонов, махнув рукой, согласился, тем более что его дядя сам предложил племяннику спокойно отдохнуть целый месяц. Да он и раньше не возражал против такого, просто Славик сам отказывался отдыхать, заботясь опять же о том, чтобы не конфликтовать с Вероникой по поводу нехватки денег.

Правда, они заранее договорились с друзьями, что поедут в Бережное на его машине, тем более что девушка вообще-то заговаривала о том, что ей предлагают выгодную и интересную работу и что она собирается приступить к ней летом. Славик такому повороту был рад по нескольким причинам: во-первых, Вероника и сама будет занята, следовательно, поймет, сколько времени и сил отнимает работа, и не станет настаивать на ежедневном совместном времяпрепровождении с утра до вечера. Во-вторых, у нее будет свой заработок, что, по мнению Славика, должно было поднять ее материальный уровень и решить ряд проблем.

Но на деле все оказалось иначе. С приближением лета Вероника вдруг резко передумала устраиваться на работу, за-

явив, что лето для того и создано, чтобы отдыхать, и вообще, работа на самом деле не такая уж выгодная, как ей казалось вначале. И что вместо нее она решила поехать в Хорватию, разумеется, вместе со Славиком. То, что поездка эта планировалась целиком и полностью за его счет, подразумевалось само собой. А уж к осени можно заняться и поиском достойной работы.

Капитонов к такому повороту не был готов. Но, неоднократно выслушав восторженные высказывания Вероники о том, как прекрасно и романтично они проведут время на берегу Адриатического моря, перемежавшиеся с упреками «все ездят, а ты не можешь», разбавленные ее страстными поцелуями, он смирился и, подсчитав свои накопления, решил, что бог с ними, заработает еще. Ссориться накануне лета и отпуска ему совсем не хотелось.

Вероника подпрыгнула от радости, узнав о решении Славики, повисла у него на шее и первым делом отправилась по магазинам закупать необходимые для поездки обновки, после чего прочно засела в Интернете, выбирая подходящий тур.

Славику же предстояло объяснять друзьям причину своего отказа поехать с ними в Бережное... И сейчас, глядя на лица Антона и Ильи, он понимал, что это оказалось труднее, чем он думал. Во-первых, он подвел их с машиной – договаривались, что поедут на его просторном джипе. Во-вторых, просто по-человечески нехорошо. Нет, друзья, конечно, не

вели себя, как Вероника, не дулись и не пытались им манипулировать, но по их лицам он видел, как сильно они расстроены. И особенно четко он осознал, что причиной такой реакции является Вероника. Точнее, то, что так получилось из-за нее.

Капитонов вдруг осознал то, что в глубине души понимал давно: друзья не любили Веронику. Нет, собственно, они и не обязаны были ее любить – это его чувство. Но она им явно не нравилась. И они не считали ее подходящей ему парой, а уж тем более будущей женой. Осознание этого было неприятно. Дружба с Ильей и Антоном значила для Славика очень много. Раньше он как-то не задумывался над этим – ну дружили и дружили, чего задаваться-то высокодуховными вопросами? Но вот теперь, когда назрел момент реальной оценки этой дружбы, он очень явственно ощутил, что друзья значат для него. Но сравнивать это с отношениями с Вероникой казалось ему некорректным.

Славик поднял голову. Илья молча допивал пиво, Антон сидел с хмурым видом. Капитонов хотел было еще добавить, что на следующий год он обязательно спланирует все так, чтобы непременно поехать всем вместе. Про себя он думал, что сумеет уговорить Веронику и можно будет отправляться всем вместе, тем более что Серега – человек женатый, так что Вероника сможет подружиться с Натальей. Да и Антон с Ильей к тому моменту, может быть, обзаведутся семьями. Мало ли что может произойти за год!

Однако Антон, отодвинув кружку с недопитым пивом, поднялся из-за столика и произнес:

– Ладно, нечего время терять, нам собираться пора. Илюха, поехали!

Илья молча встал, протянул Славику руку для прощания. Тот пожал ее, чувствуя себя очень неловко. В самом деле, с ребятами он договорился раньше, чем с Вероникой. Еще прошлым летом они решили поехать в Бережное. Но кто же знал, что так получится!

Антон с Ильей ушли. Славик еще некоторое время посидел, потом посмотрел на часы. Ладно, эта история в конце концов забудется. Ребята вернутся из Бережного, он из Хорватии, встретятся, поделятся впечатлениями... Ничего страшного. А сейчас нужно звонить дяде и договариваться о встрече. Тот сегодня как раз обещал выдать Славику деньги в качестве отпускных. Сумма приличная – за прошлый неотгулянный отпуск, за нынешний, и плюс еще дядя за добросовестную работу выписал Славику солидную премию. Он надеялся в скором времени погулять на свадьбе единственного племянника и всячески поощрял его.

Капитонов достал сотовый телефон и набрал номер. Никто не отвечал, что было довольно странно: сегодня выходной, фирма не работала, так что дядя не должен быть занят ни на каком совещании. И за деньгами Славик должен проехать не на работу, а к нему домой. Дядя говорил, что снимет нужную сумму со счета.

Немного поколебавшись, Славик набрал номер домашнего телефона Аркадия Петровича. Трубку взяла его жена, Лидия Николаевна, и, услышав голос Славика, сразу же заговорила:

– Господи, Слава! Ты что, разве ничего еще не знаешь?

– А что такое? – Славик испугался тона Лидии Николаевны.

– Аркадий Петрович попал в аварию! Как раз по дороге в банк! Его увезли в больницу, мне только что сообщили! Я сейчас бегу туда! – зачастила тетя.

В голове у Славика завертелась карусель из мыслей.

– В какую больницу его увезли? – выбрал все-таки Капитонов из них самую рациональную.

– В Третью клиническую! Ты меня прямо на пороге застал!

– Каково его состояние?

– Говорят, плохое! – Тетя перешла на рыдания. – Мне по телефону мало что сказали. У него документы с собой были, так что мне смогли сообщить.

– Я сейчас еду туда же, – произнес Славик, на ходу выключая телефон и выскакивая из-за столика.

Он чуть ли не бегом добежал до машины и напрямик поехал в Третью городскую больницу.

Ситуация оказалась серьезной: машина, на которой Аркадий Петрович ехал в банк, столкнулась на перекрестке с грузовиком. По предварительным данным, виноват был води-

тель грузовика, не пропустивший джип дяди на повороте. Но не это сейчас волновало Славику и заплаканную Лидию Николаевну: Аркадий Петрович был без сознания, у него оказалась серьезная черепно-мозговая травма, и ему требовалась операция.

Лечащий врач, рассказав все это в коридоре больницы, поспешил в операционную. Лидия Николаевна настояла на том, чтобы остаться дожидаться ее результата, а Славику спровадили домой как лицо неблизкое и в данной ситуации бесполезное. С мыслями набекрень парень и поехал к себе.

Он отлично понимал, что про отпускные деньги придется забыть, причем, возможно, надолго: пока дядя не поправится – и это еще дай бог, если поправится, – никто ему их не даст. О том же, чтобы напоминать ему об этом, и речи быть не могло. Да у Славику бы и язык не повернулся заговаривать об этом с человеком на больничной койке, даже будь он в полном сознании. Значит, и отдых в Хорватии придется перенести. Да это ладно, не беда! Главное, чтобы дядя выздоровел. Ему и самому сейчас деньги понадобятся. А нужно будет – он и сам ему поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.